

Ю. К. Некрасов

ЭВОЛЮЦИЯ СОЦИАЛЬНОГО СТРОЯ И
ОТНОШЕНИЯ СОБСТВЕННОСТИ В
СРЕДНЕВЕКОВОМ ГОРОДЕ XIV—XVI вв.
(на примере Швабии и Швейцарского Союза)

Происхождение современного общества в Западной Европе, на что вполне определенно указывали исследователи еще в конце прошлого и начале нынешнего столетий, неразрывно связано с эволюцией как отношений собственности, так и социального строя средневекового города. Западная историография имеет давнюю традицию изучения социальной истории этого города. Но в то же самое время необходимо принять во внимание, что в западной историографии в решении проблемы социальной стратификации городского населения сложилось несколько направлений, отразивших различие подходов представителей данных направлений прежде всего к решению проблемы возникновения капитализма.

К первому направлению, представители которого выступили в роли пионеров в исследовании качественно новых и непосредственно предшествовавших капитализму явлений в социальной жизни средневековых городов, принадлежали В. Зомбарт и Я. Штиридер¹, которые хотя и разошлись во мнениях по вопросу о происхождении крупных бюргерских состояний, вместе с тем, поскольку оба следовали теории М. Вебера об «идеальных типах» в экономике, обнаружили близость методологических позиций². Модернизируя явления прошлого, эти историки видели в любом владельце денежных богатств буржуа, а в любом паупере или «неимущем ремесленнике» — пролетария. Такая трактовка социально-экономической истории средневекового города акцентировала внимание прежде всего на количественных критериях и не давала удовлетворительного объяснения явлениям, которые обусловили переход от феодализма к капитализму. Отметим также, что Зомбарт и Штиридер, оказавшие заметное влияние на немецкую историографию первой трети XX в., после второй мировой войны по сути дела утратили это влияние.

Второе направление (так называемой «социальной истории»), напротив, в последние десятилетия приобрело большую популярность в западной историографии. Своего рода методологической базой для представителей этого направления и сегодня в известной степени служит «бактериологическая теория» В. Абеля и Ф. Лютге³, авторы которой ход исторического процесса объясняют по преимуществу действием демографического фактора. Эта теория

вызывала резкую критику со стороны как советских⁴, так и западных историков. Общепризнанным главой западногерманских урбанистов, примыкавших к школе «социальной истории» и занимавшихся историей средневековых городов, выступил Э. Машке, научная концепция которого социальной стратификации этих городов состоит в следующем. Машке ставит перед собой глобальную задачу «подвергнуть сомнению и опровергнуть учение исторического материализма», приверженцы которого, по убеждению Машке, видят во всех общественных метаморфозах только проявление классовой борьбы и в истории в целом — исключительно деятельность людей, обращенную к сегодняшнему дню. Он ориентируется на «модную» в современной урбанистике теорию «социального расслоения» средневекового городского общества, согласно которой это общество состояло из «вертикальных» и «горизонтальных» слоев. Под «вертикальной дифференциацией» Машке имеет в виду «верхние», «средние» и «низшие» слои населения, под «горизонтальной» — «корпорации и объединения одного общественного порядка»⁶. В концепции Машке социальная история средневекового города представлена в качестве феномена, развитие которого совершалось имманентно от экономического фактора, отношений угнетения и эксплуатации, хотя автор этой концепции и признает, что в позднесредневековом городе понятия «неимущий ремесленник» и «наемный работник» фактически стали синонимами. Что касается экономического фактора, то его значение в социальной истории города Машке сводит в первую очередь к обоснованию тезиса о выдающейся и даже решающей роли торговли, особенно экспортной, в процессе превращения населения города в «открытое общество». Причем главный источник «творческого начала» в этом процессе он находит в «городской знати», которой город обязан всеми сколько-нибудь значительными достижениями во всех сферах жизни.

Представители третьего направления основную свою задачу видят в исследовании социально-экономической истории средневековых городов и в установлении перспективы их развития. Еще в конце прошлого века Я. Хартунг, изучив податные кадастры имперского города Аугсбурга, предпринял попытку проследить эволюцию «бюргерской собственности» в позднее средневековье⁷. Он же показал процесс пауперизации на одном полюсе основной массы городского населения и концентрации в руках немногих семейств бюргерской верхушки больших богатств — на другом. Поэтому Я. Штридер без достаточных на то оснований отвергает такую попытку как абстрактную схему, лишенную реального содержания и не позволяющую установить подлинных участников роста благосостояния одного из крупнейших городов средневековой Германии⁸. Про-

анализировав экономическую политику, проводившуюся городской олигархией, Хартунг вполне убедительно также показал происхождение состояний последней. В отличие от Штрайдера, в центре повествования которого находятся «выдающиеся» пионеры «раннего капитализма», внимание Хартунга привлекли исторические судьбы городских низов и особенно — тяжелое положение «обездоленного плебса». Эту линию Хартунга в немецкой историографии продолжил Х. Иект, по мнению которого с «развитием средневекового города на фоне его сословного членения все более отчетливо проявлялись черты современного классового общества»⁹. С некоторыми оговорками к этому же направлению можно отнести и Р. Эндреса¹⁰. Все эти историки, разделяя в основном методологические установки позитивистской историографии, признают влияние раннекапиталистических производственных отношений на эволюцию социального строя позднесредневекового города, что следует отнести к сильной стороне их научных штудий. Другим несомненным достоинством их трудов является содержащийся в этих трудах богатый фактический материал по социальной истории города, переходной от феодализма к капитализму эпохи.

Проблема возникновения последнего давно уже привлекла внимание и историков-марксистов, хотя сами основоположники «исторического материализма» (исключение, пожалуй, составляет лишь 24-я глава первого тома «Капитала» К. Маркса) не обращались к исследованию данной темы специально. В упомянутой главе Маркс писал, что «экономическая структура капиталистического общества выросла из экономической структуры феодального общества. Разложение последнего освободило элементы первого»¹¹. К. Маркс и Ф. Энгельс, а вслед за ними и В. И. Ленин обратили внимание на «двойственность» социальной природы средневекового бюргерства¹². Опираясь на их высказывания об этом бюргерстве, его месте и роли в эволюции западноевропейского феодального общества, историки-марксисты утверждают, что на развитие средневековых городов Западной Европы оказывали влияние различные экономические уклады (натуральное хозяйство, мелкотоварное производство и, наконец, элементы «раннего капитализма»). Изменения в экономической структуре феодального общества, выразившиеся в отделении города от деревни, ремесла от сельского хозяйства, имели следствием появление на исторической сцене особой категории населения; главными занятиями и основными источниками существования для этого населения стала промышленная деятельность, торговля и ростовщичество. В процессе имущественной и социальной дифференциации изначального посадского населения сложилась «трехчленная» (патрициат — бюргерство — плебейство) структура этого населения¹³. «Трехчленная» структура посадского населения

отражала одну из специфических черт социального строя не только средневекового города, но и всего феодального общества. Вопрос, могла ли эта «трехчленная» модель сыграть роль своего рода «стартовой площадки» становления классов буржуазного общества, марксистская историография долгое время по сути дела оставляла открытым. Однако такое положение в этой историографии стало изменяться с начала 70-х годов.

Социальные судьбы населения средневековых городов приобрели в марксистской историографии особую научную актуальность с того момента, когда историки ГДР выступили с теорией превращения различных прослоек населения этих городов в эпоху «зрелого», или «развитого», феодализма в новый самостоятельный «неосновной» (*Nebenklasse*), или «промежуточный» (*Zwischenklasse*) общественный класс¹⁴. Аналогичные взгляды на эту проблему высказывали и некоторые советские ученые¹⁵. Однако большинство советских мединистов придерживалось точки зрения, согласно которой в Западной Европе в средние века протекал процесс консолидации различных категорий городского населения в сословие, или, по терминологии В. И. Ленина, в «класс-сословие» средневекового феодального общества¹⁶. Отражая мнение этого большинства, А. Н. Чистозвонов вступил в полемику с историками ГДР по вопросу о социальной природе средневекового бюргерства¹⁷.

Все изложенные выше обстоятельства являются достаточным основанием для рассмотрения этой дискуссионной темы на конкретно-историческом материале. Объект такого рассмотрения — города Швабии и Швейцарского Союза XIV—XVI вв. Этот сюжет уже привлекал в прошлом внимание автора настоящей статьи¹⁸. Но если раньше он в одних случаях ограничивал свою задачу исследованием эволюции социального строя имперского города Аугсбурга, в других — изложением своей точки зрения в предельно лаконичной форме, лишь бегло при этом затрагивая вопрос об отношениях собственности в средневековых городах, сейчас он намерен восполнить этот пробел и по возможности более обстоятельно аргументировать свои наблюдения и выводы. Автор настоящей статьи убежден также, что сквозь узкие окна «региональной истории» может открыться и более широкий горизонт европейской действительности начальной стадии ее эволюции от феодализма к капитализму. Такой подход позволит пролить дополнительный свет на некоторые стороны исторического процесса всей этой переходной эпохи.

Рассматривая проблему эволюции социального строя средневекового города, необходимо иметь в виду как типологические различия социально-экономических структур самих городов, так и структуру торгово-ремесленных корпораций, в которых объединялось большинство городских ремесленников и торговцев. Социально-

экономические процессы обычно более быстрыми темпами совершились в крупных и значительных торгово-промышленных центрах, чем мелких полуагарных городах. Это относится и к цеховым корпорациям. «Капиталистическому перерождению» в большей мере подвергались корпорации, ремесленники которых работали на экспорт своих изделий и массового потребителя, чем цехи, ориентировавшиеся на удовлетворение спроса населения самого города и его близлежащей сельской округи. Если в корпорациях первого типа прокладывали себе дорогу отношения между работодателями и наемными работниками, то основой производственных отношений в корпорациях второго типа продолжало оставаться мелкотоварное ремесло, что имело следствием «замыкания цехов» и стагнацию темпов экономического развития.

В Швабии и «городских кантонах» Швейцарского Союза в XIV—XVI вв. роль крупных и значительных центров ремесла и торговли неизменно играли Аугсбург, Ульм, Базель и отчасти Мемминген. Цюрих, определенно игравший такую же роль в XIV в., утратил ее в первой половине XV в., но к концу того же столетия восстановил свои позиции в ремесленном производстве и международной торговле. Констанц, явившийся примерно до середины XV в. центром всей льноткацкой промышленности Озёрного края, в конце XV — начале XVI в. пришел в упадок и его место занял Санкт-Галлен. Во всех упомянутых выше городах (равным образом и в их сельских округах) элементы раннего капитализма прежде всего возникали в отраслях текстильного производства, работавших на экспорт¹⁹, причем исключительное значение в этом регионе, особенно в Швабии, приобрела бумазейная промышленность²⁰. В городских центрах «экспортного ремесла» рано стала фактом реальной действительности сначала имущественная, а затем и социальная дифференциация населения, которая с конца XV в. уже свидетельствовала о зарождении в недрах старой социальной структуры средневековых городов новых общественных классов — ранней буржуазии и, как принято его называть в марксистской литературе, предпролетариата. Необходимо также отметить, что эти классы вступили на историческую сцену в условиях резкого обострения социальных противоречий, присущих «системе феодализма», которая обнаружила очевидные признаки кризиса.

Многочисленные факты указывают также на необычайную сложность и противоречивость процесса эволюции социального строя средневековых городов. В германских землях, в том числе на территориях, образовавших на обломках империи Штауфенов Швейцарский Союз, уже в XII—XIII вв. совершался процесс консолидации сословия средневекового бюргерства из первоначального посадского населения (прежде всего купцов и ремесленников), за-

вершение которого можно датировать XIV в. Но в то же время вряд ли правомерно это бургерство трактовать как «неосновной» (или «промежуточный») общественный класс, развитие которого происходило вне «системы феодализма». Источники убедительно свидетельствуют о тесной связи бургерства со средневековыми институтами, особенно феодальным землевладением. Причем такая связь была свойственна не только патрициату, но и более широкой прослойке городского населения. Цеховые мастера и торговцы Аугсбурга, Ульма, Кауфбойрена, Констанца, Мюнхена и других городов Южной Германии в сельских округах родных городов или даже за их пределами не только занимались животноводством, огородничеством, садоводством, виноградарством и цветоводством, но и выступали в роли получателей феодальной ренты или сверхценза с находящихся в личнонаследственной зависимости крестьян (*leibeigenen*), церковных десятин и порою даже сосредотачивали в своих руках частично или полностью судебно-сенiorиальные прерогативы²¹. Это свидетельствовало прежде всего об относительном характере самой эманципации городского бургерства от «системы феодализма» и дает основание видеть в этом бургерстве в первую очередь сословие феодального общества. Превращение различных прослоек городского населения в сословие средневекового бургерства было длительным историческим процессом, участие в котором приняли как патриции, так и плебей (особенно подмастерья). Процесс консолидации собственников средств производства и условий труда (ремесленных мастерских, инвентаря, сырья, торговых лавок и денег), самостоятельных производителей и торговцев в сословие феодального общества в германских землях, в отличие от Франции и Англии, протекал в неблагоприятных условиях политической раздробленности и завершился не в масштабах средневековой народности или даже универсалистской Священной Римской империи, а в границах отдельных территорий и княжеств²².

Рассматривая эволюцию социального строя средневекового общества, следует принять во внимание, что процесс формирования сословия горожан (бургерства) соответствовал условиям простого товарного производства в феодальном обществе. Спецификой этого общества в значительной степени было обусловлено и появление «трехчленной» социальной структуры городов. Однако в такой же мере очевидно, что для исследования эволюции социальной структуры тех же средневековых городов оказывается недостаточным использование дефиниций «патрициат — бургерство — плебейство», поскольку эти дефиниции не дают полного и точного представления о начавшемся еще в XV в. процессе разложения старой социальной структуры городов и, как уже отмечалось выше, зарождения в недрах этой структуры новых общественных классов.

Это относится к той стадии социального развития городов, когда оно происходит под непосредственным воздействием процессов первоначального накопления и генезиса капитализма. Поэтому попытаемся кратко проследить социальные метаморфозы каждого из элементов «трехчленной» структуры средневековых городов и установить зависимость этих метаморфоз от явлений раннего капитализма.

В этой связи необходимо иметь в виду, что после «цеховых революций» XIV — начала XV в. патрициат в большинстве городов Швабии и Швейцарии утратил монополию на власть и вынужден был разделить ее с преуспевающими представителями цехового бюргерства²³. Эти события знаменовали собою кардинальные перемены не только в политической, но и социально-экономической ориентации бюргерской верхушки, для которой феодальное землевладение утрачивает прежнее доминирующее значение, поскольку основными родами экономической деятельности и вместе с тем источниками существования для верхушки этого бюргерства становятся в первую очередь ростовщичество и торговля, что и являлось важнейшей предпосылкой формирования городской знати «новой формации»²⁴. Основной критерий определения социального облика этой знати — структура ее собственности.

Структура собственности городской верхушки складывалась из разнородных элементов. Эта структура включала: 1) различные формы участия как в самом городе, так и особенно за его стенами в землевладении²⁵, которое продолжало оставаться феодальным, обнаруживая лишь тенденцию превращения в свободно отчуждаемую частную собственность «нефеодального типа», причем такая тенденция становилась фактом реальной действительности лишь в сельских округах крупных и значительных торгово-промышленных центров²⁶; 2) ренты городского казначейства (т. е. капитал с «сословно-ограниченными функциями»), уникальным источником для изучения которых являются «Книги рент» казначейства Аугсбурга²⁷, позволяющие составить достаточно ясное представление об отличии капитала с «сословно-ограниченными функциями» от его «действительно свободных форм»; 3) свободные денежные средства (ростовщический и купеческий капитал); 4) «промышленный капитал», т. е. инвестиции в производство. Соотношение между этими элементами структуры собственности в значительной степени определяло направление и характер социальной эволюции городской знати и делает возможным выделение следующих ее типов: 1) земледельцев, живших за счет присвоения феодальной ренты; 2) рантье, получающие проценты по вкладам в городское казначейство, чьи богатства были обязаны своим происхождением товарному производству, и являлись показателем его успехов; 3) купцов и ростовщиков;

4) предпринимателей-капиталистов, близко стоявших по роду своей экономической деятельности к нарождающемуся классу буржуазии. Вместе с тем отметим, что в «чистом виде» эти типы вряд ли существовали в жизни. Поэтому на практике речь может идти лишь о преобладании тех или иных элементов в социально-экономическом облике представителей городской знати: преобладание в структуре собственности последних первых двух ее типов указывало на прочную связь этой знати со средневековыми институтами, а третьего и четвертого типов — на ее эволюцию в направлении социального статуса буржуазии нового времени.

Исследование социально-экономических аспектов истории средневековых городов убеждает также и в том, насколько недостаточны обычно употребляемые дефиниции (мастер — подмастерье — ученик) для характеристики социальной структуры ремесла, развитие которого происходило сначала в условиях мелкотоварного производства, а затем и — вполне обозначившейся тенденции перехода к капиталистической структуре²⁸. Этот переход сопровождался кризисом системы цехового ремесла и возникновением нового типа отношений, что вело к изменению социального положения всей массы «трудящихся субъектов». Однако уже с конца XV в. мы наблюдаем процесс быстрого сокращения численности самостоятельных производителей, рядом с которыми появились, с одной стороны, мелкие ремесленники, формально обладавшие правами метризы, но фактически над которыми уже стоял предприниматель-раздатчик (*Verleger*), с другой — различные категории экономически несамостоятельных производителей, находившихся на пути превращения в наемных рабочих. Изменились и отношения мастеров с подмастерьями. Если раньше основным мотивом хозяйственной деятельности мастера было «приличное его положению существование, — а не меновая стоимость как таковая, не обогащение как таковое»²⁹, то теперь для преуспевающей цеховой верхушки нормой производственных отношений как с подмастерьями, так и с обедневшими мастерами своих же корпораций стала аккумуляция предпринимательскими властями прибавочной стоимости и переход к расширенному воспроизводству. Эта тенденция эволюции социальной структуры цехового ремесла получила реализацию в процессе отделения производителя от средств производства и условий труда. На первом этапе этого процесса мелкие производители утрачивали самостоятельную роль на рынке закупок сырья и сбыта готовых изделий или полуфабрикатов и переставали выступать на нем в качестве товароиздадельцев. Увеличение числа производителей, которые были экспроприированы или находились на этом пути, и сокращение численности самостоятельных товаропроизводителей создавало благоприятную почву для деятельности капиталистов-предпринимателей. В их

роли обычно выступали купцы или разбогатевшие цеховые мастера. Последние по мере роста их богатств и расширения масштабов предприятий отказывались от участия в производстве личным трудом и брали на себя функции его организаторов. Метаморфозы социальной структуры средневековых городов не ограничивались, однако, только этим.

Процесс формирования новых общественных классов — ранней буржуазии и предпролетариата, которые рекрутировались главным образом из различных категорий населения средневековых городов, начался в Швабии и «городских кантонах» Швейцарского Союза примерно с середины XV в. Причем уже на первом этапе генезиса (в конце XV — начале XVI в.) класс ранней буржуазии распался на две фракции — торговую и промышленную³⁰. Противоречия между этими фракциями нашли отражение в развернувшемся в Германии в первые десятилетия XVI в. «антимонополистическом» движении³¹. «Монополисты» (особенно сильными их позиции были в Аугсбурге), составляя тончайшую прослойку городской верхушки, в борьбе с конкурентами использовали государственно-правовые механизмы, прибегая к средствам внеэкономического принуждения и подавляя тем самым более широкую прослойку раннекапиталистических элементов, чем тормозили процесс их консолидации в класс буржуазии. Что же касается превращения мелких производителей в класс наемных рабочих, то этот процесс также встречал на своем пути серьезные препятствия и в XVI в. был далек от завершения. Система цехового ремесла или сдерживала прогрессивную тенденцию социально-экономического развития, или подвергалась «капиталистическому перерождению» в тех случаях, когда в рамках этой системы произрастали производственные отношения между трудом и капиталом. В таких условиях наемный труд, возникший еще в мелкотоварном производстве³², все более освобождался от патриархальной оболочки и приобретал самостоятельное значение в общественном производстве. Имеющиеся в распоряжении исследователя факты³³ позволяют заключить, что в таких южнонемецких городах, как Нюрнберг, Аугсбург и Ульм, наемные рабочие, подвергавшиеся капиталистической эксплуатации, уже на рубеже XV—XVI вв. составляли около 10—15% от общей массы самодельного населения этих городов. Однако значение данного обстоятельства не следует преувеличивать. Дело в том, что хотя зачаточные формы капиталистических отношений к тому времени успели пустить достаточно глубокие корни в передовых центрах юго-западного региона германских земель, проявились они в большинстве случаев в рамках так называемой «системы раздач». Капиталистам тогда противостояли не столько наемные рабочие, объединенные в процессе производства «общей кровлей», сколько формально самостоятель-

ные «неимущие ремесленники» (Habnithantwercker), фактически уже подчиненные власти капитала.

Резюмируя сказанное выше, необходимо подчеркнуть следующее. В начале рассматриваемого периода, т. е. еще в XIV в., в Швабии и Швейцарском Союзе завершился процесс социальной консолидации различных прослоек городского населения в сословие феодального общества. Политическая консолидация этого сословия ярко выражена в границах кантонов и отчасти всего Союза, но не имела четких географических границ как в пределах Германии, так и даже Швабии. Такое положение объясняется тем обстоятельством, что неоднократно предпринимавшиеся в XIV — начале XV в. попытки политического объединения бюргерства Южной и Рейнской Германии потерпели полную неудачу³⁴, которая оказала влияние на эволюцию общественного сознания этого бюргерства от «имперского» к партикуляристскому. Необходимо также иметь в виду, что консолидация бюргерства в сословие не устраняла «трехчленной» социальной структуры средневекового города. Отсюда следует, что дефиниция «бюргерство» может употребляться как в широком смысле, когда речь идет о сословии феодального общества, так и в узком, — когда имеются в виду средние слои городского населения (или «средний класс»). Со второй половины XV в. в германских землях, о чем сказано выше, начался процесс зарождения в недрах социальной структуры средневекового города новых общественных классов — ранней буржуазии и предпролетариата, причем, во-первых, новые классы и в XVI в. составляли лишь незначительное меньшинство населения города, структура которого по преимуществу продолжала оставаться средневековой; во-вторых, уровень общественного сознания обоих классов определялся и обуславливался их недостаточной социально-политической «зрелостью» и порою, особенно если иметь в виду перспективу исторического развития, вступал в противоречие с собственными интересами и характером экономической деятельности того же класса³⁵; в-третьих, уже на начальном этапе своего становления класс ранней буржуазии распался на фракции торговой (ее верхушку составляли «монополисты») и мануфактурной буржуазии, противоречия между которыми ярко проявились не только в «антимонополистическом» движении, но и нашли отражение в требованиях радикальной группировки немецкого бюргерства в «Гейльброннской программе»³⁶.

Эволюцию отношений собственности в значительной мере определяли исторические судьбы средневековых городов. Прежде всего необходимо принять во внимание, что эти города развивались в условиях «феодального окружения», в котором доминирующие позиции занимала феодальная собственность на землю со всеми вытекающими из данного факта последствиями. Отношения собственно-

сти в этом «окружении» служили целям «феодального обирадельства» городского населения господствующим классом землевладельцев, что создавало трудно преодолимые препятствия на пути свободного развития производительных сил. Поэтому коммунальное движение горожан носило освободительный характер и его успех вел к хотя бы относительной, но эмансиации от «оков системы феодализма». Одной из важнейших целей движения являлось установление городской автономии и органов самоуправления. Эти цели достигались как с помощью выкупных операций и приобретения коммунальных хартий за деньги, так и путем открытого (порою вооруженного) противоборства бургерства с феодальными сеньорами. Успех бургерства в коммунальном движении давал ему многое и в том числе вносил корректив в отношения собственности и даже образовывал историческую предпосылку возникновения качественно новых форм безусловной частной собственности. В этой связи заслуживает внимания тот факт, что город, выступая в роли центра товарно-денежных отношений, оказывал разлагающее влияние на институт феодальной собственности, вовлекая землю, этот «экономический базис» и оплот политического господства феодального дворянства и католической церкви, в систему рыночных отношений и содействуя таким образом ее превращению в товар. Многочисленные акты весьма красноречиво указывают на то упорство, с каким богатые горожане, приобретая землю у феодалов с помощью операций купли-продажи или закладов, стремились изъять эту землю из системы вассально-ленных связей и сделать ее полной и свободно отчуждаемой собственностью³⁷. Переход земельных владений от феодального дворянства к бургерской верхушке хотя и не означал переворота в способе производства и не вел к структурной перестройке в аграрном секторе экономики, этот же переход, однако, имел следствием включение деревни в систему рыночных отношений и оказывал воздействие на эволюцию феодальной ренты, способствуя развитию прогрессивных тенденций в социально-экономической жизни деревни и создавая условия для появления в ней элементов раннего капитализма.

В то же самое время эмансиация средневекового города от «феодального окружения», подчеркнем еще раз, была относительной и не вела к полному освобождению от «пут феодализма». Даже в случае успеха коммунального движения в городах сохранялись рудименты сеньориального происхождения в их социальном быте. К тому же не все города даже средних масштабов в Юго-Западной Германии освободились от власти духовных и светских князей. К примеру, кемптенский аббат обладал в городе высшей уголовной юрисдикцией, правом назначения на все должности в городской администрации, получал половину средств от сбора всех косвенных

налогов (унгельтов), «весовые деньги» на городском рынке, взимал в свою пользу подушную подать со всех жителей города, чинши с мясниками, городской богадельни, ренты с крестьян городской округи, со всех домов в самом городе и садов у его стен. Аббат обладал также правом собственности на покосы в округе Кемптена, баналитетными правами на выпечку хлеба, торговлю мясом и даже на пошив обуви³⁸. Понятно, что такой порядок вещей вызывал недовольство большинства горожан, которые стремились его изменить. С другой стороны, тот же средневековый город и верхушечная прослойка его населения в отношениях с сельской округой, как бы вступая на место феодального сеньора, выполняли функции агентов господствующего класса. Правда, тут же следует оговориться, что характер деятельности городской администрации в деревне существенным образом отличался от характера деятельности сеньориального аппарата, поскольку первая не только опиралась прежде всего на правовые нормы и менее второго обнаруживала склонность к произволу, хотя в то же самое время являлась более жесткой в требованиях относительно выполнения крестьянами их обязательств по контрактам (договорам) и повинностей, весьма решительно порывая с патриархальными устоями в социальном быте самой деревни.

И все же, необходимо это признать, на социальную эволюцию средневекового города сильное влияние оказало возникновение «действительно свободных форм капитала» — купеческого и ростовщического — в качестве необходимого условия зарождения в недрах социально-экономической структуры «системы феодализма» частной (или «буржуазной», по принятой в отечественном обществоведении терминологии) собственности на средства производства и условия труда, в том числе на землю. Если на раннем этапе истории средневекового города основным критерием знатности верхушки его населения было обладание недвижимой собственностью (особенно землей) как в самом городе, так и за его стенами, то в дальнейшем (после «цеховых революций») «старый патрициат» был потеснен патрициатом «новой формации» и богатыми цеховыми мастерами и торговцами, политическое влияние которых опиралось прежде всего на находившиеся в их распоряжении денежные средства, их роль в системе рыночных отношений и отчасти — в общественном производстве. Конечно, это еще не означало необратимости исторического процесса и исключения феодального землевладения из числа факторов, оказавших существенное воздействие на эволюцию социальной структуры средневекового города. Феодальное землевладение и престиж дворянских титулов и званий продолжали обладать огромной притягательной силой для преуспевающей верхушки городского бюргерства, которая в новых исторических условиях инвестирует денежные средства, приобретенные главным

образом торГОВО-предпринимательской деятельностью, в то же феодальное землевладение, которое, однако, служит для этой верхушки не столько источником существования, сколько способом поддержания социального престижа³⁹. Другим проявлением консервативной тенденции в социально-экономическом развитии средневекового города являлось образование капитала с «сословно-ограниченными функциями» в виде рент городского казначейства и коммунальной собственности на некоторые предприятия в черте города или его окруже (например, белильные и красильные мастерские, бумагопрядильные мельницы в центрах текстильного производства), построенные на средства магистратов. Распоряжение этими объектами собственности было ограничено условиями аренды и регламентировано в духе средневековой корпоративности.

Экономический базис средневекового города, как известно, образует мелкотоварное производство и соответствующая последнему собственность «трудящихся субъектов» на средства производства и условия труда. Обладание этой собственностью и участие в общественном производстве в качестве самостоятельных товаропроизводителей и товаровладельцев служило надежной гарантией гражданской правоспособности основной массы городского населения — бюргерства. Предвестник наступления капиталистической эпохи — кризис института «трудовой» собственности мелких производителей. Уже во второй половине XV в. численность пауперов и «неимущих ремесленников» в центрах раннекапиталистического производства достигла 60 % от всей массы самодеятельного населения городов⁴⁰. По словам К. Маркса, это указывало на «экспроприацию непосредственных производителей, т. е. частной собственности, покоящейся на собственном труде»⁴¹. Противоположность богатства и бедности, известная в более ранней стадии эволюции социального строя средневекового города, с возникновением зачаточных форм капиталистических производственных отношений приобретала некоторые признаки противоположности между трудом и капиталом. Это обстоятельство не могло не оказать влияния и на характер противоречий, отражавших новые социально-экономические тенденции исторического развития средневековых городов.

В исторических условиях начальной стадии перехода от феодализма к капитализму принципиально иным содержанием наполнялись и традиционные формы социальных противоречий. «Почвой, взаимившей идеи свободы и равенства, — признавал и В. И. Ленин, — было именно товарное производство»⁴². В этой связи становится понятным, почему еще К. Маркс указывал на «заговорщический и революционный характер городских движений» бюргерства против феодального дворянства в средние века⁴³. Однако в условиях начавшегося процесса генезиса капитализма как бюргерст-

во, так и другие прослойки городского населения в борьбе с феодалами уже не ограничивались требованием введения автономии и коммунального устройства в самих городах, все чаще и энергичнее выдвигая требования установления сословного и даже социального равенства, преобразования всей системы общественных отношений, отношений собственности в том числе. Борьба цехового бюргерства с патрициатом все более приобретала черты борьбы широких слоев городского населения с правящей олигархией, в ходе которой, как это попытался показать автор настоящей статьи на примере Аугсбурга⁴⁴, в повестку дня был поставлен вопрос об отношении к первоначальным формам капиталистического предпринимательства и безусловной частной собственности. Зарождение этой качественно новой формы собственности с вытекающими из нее производственными отношениями с необходимостью оказывало влияние на характер социальных противоречий во всем феодальном обществе.

Источники красноречиво свидетельствуют также и о том, что зачаточным формам капиталистических производственных отношений соответствовали такие же «незрелые» формы социальной борьбы. «Неимущим ремесленникам» и «частичным производителям» (Tailwercker) обычно противостоял, о чем уже было сказано выше, не владелец мануфактуры, а капиталист-раздатчик⁴⁵. В силу данного обстоятельства мелкие производители, даже подвергшиеся «капиталистической эксплуатации», в одних случаях, как это имело место в 1512 г. в Ульме⁴⁶, вели борьбу не с капиталистами-предпринимателями, а со своими деревенскими конкурентами; в других случаях, как это, например, произошло в конце XV — начале XVI в. в Аугсбурге⁴⁷, хотя и выступили против «раздатчиков», но требовали восстановления утраченных позиций в экономической жизни общества в качестве самостоятельных товаропроизводителей и опирались не столько на реалии социально-экономической действительности или были устремлены в будущее, сколько обращены к идеализируемому на уровне обыденного сознания образу корпоративного ремесла, которое уже сыграло свою историческую роль и с неизбежностью становилось достоянием прошлого. «Пролетарские» требования повышения заработной платы и улучшения условий труда рабочие выдвигали крайне редко. С требованием повышения заработной платы еще в начале второй половины XV в. выступили строительные рабочие Нюрнберга, а в 1517 г. — рабочие той же профессии в Аугсбурге⁴⁸. Однако такие требования возникали в специфической среде строительных рабочих, вряд ли свидетельствовали о их «капиталистической эксплуатации» и не отражали магистрального направления в развитии социальных противоречий в переходную от феодализма к капитализму эпоху.

Основным антагонизмом, проходящим красной нитью через всю историю западноевропейского средневековья, были противоречия между классом собственников земли (феодалами), с одной стороны, и классом ее держателей-земледельцев (крестьян), — с другой. Этот антагонизм в германских землях достиг апогея во время Реформации и особенно Крестьянской войны, события которых марксистская историография трактует как первый опыт буржуазных революций в Европе. Опираясь на «урок опыта, объединяющий до известной степени крестьянские восстания XVI века и революцию 1848 года в Германии», изучение которого Ф. Энгельс предпринял еще в середине прошлого века⁴⁹, В. И. Ленин пришел к выводу, что «простое большинство мелкобуржуазных масс еще ничего не решает и решить не может, ибо организованность, политическую сознательность выступлений, их централизацию (необходимую для победы), все это в состоянии дать распыленным миллионам мелких хозяев только руководство либо со стороны буржуазии, либо со стороны пролетариата»⁵⁰. Эта ленинская ригорическая формулировка, которую хотя и отличает очевидная прямолинейность, недоверие к «мелкобуржуазным массам» и ориентация на революционное сознание «пролетариата», в то же время в определенной мере отражает действительное положение. Дело в том, что в условиях XVI в. расчитывать на успех могли только те политические силы, которые намерены были осуществить общественные преобразования, на практике приближающие капитализм. В роли лидера и идеолога революции должна была выступить радикально-бюргерская оппозиция, являющаяся не только далекой предтечей, но и прямой предшественницей революционной буржуазии начала нового времени. В свою очередь успех деятельности этой оппозиции во многом зависел от развития отношений между городом и деревней.

Оппозиция феодальному дворянству и католической церкви, казалось бы, делала крестьянство «естественным союзником» нарождающейся буржуазии в ее борьбе против феодального режима. Однако отношения между городом и деревней в позднее средневековье осложнялись по нескольким причинам. Причем дело не только в том, что город продолжал выступать в роли коллективного сеньора деревень округи, а патриции, богатые купцы и преуспевающие цеховые мастера владели в сельской округе сверхцензами, церковными десятинами, наделами пахотной земли или даже хуторами и деревнями, правами сеньориальной юрисдикции, но и в том, что бурное развитие сельских промыслов превратило деревенских ремесленников в опасных конкурентов городских цеховых мастеров. Д. У. Сейбин, признавая сам факт острых социальных противоречий в южнонемецкой деревне начала XVI в., в то же время утверждает, что восстание 1525 г. было направлено «против господ и поденщиков»,

имен в виду под последними не столько наемных работников в собственном смысле слова, сколько многочисленных в юго-западном регионе германских земель «ткачей-крестьян» (Weberi), которые хотя и проживали в деревнях, владели небольшими парцеллами пахотной земли и обладали правами на пользование альмендой, существовали, однако, по преимуществу за счет занятий промышленной деятельностью (особенно прядением и ткачеством). В силу данной причины, по Сейбину, у деревенских ремесленников (и опять-таки в первую очередь у ткачей и прядильщиков), а также у батраков, не было достаточно веских оснований участвовать в крестьянском движении. Поэтому Крестьянская война в Германии, заключает он, велась только в интересах деревенской верхушки⁵¹. Согласие с этим выводом Сейбина выразил Э. Хойер⁵². По мнению П. Бликле, крестьянские требования и цели движения 1525 г. не находили понимания и поддержки со стороны большинства цехового бюргерства (за солидарные с крестьянами действия высказывалось лишь «радикальное меньшинство» горожан), что и явилось, как полагает тот же Бликле, одной из основных причин поражения крестьянского восстания⁵³. Так ли это было на самом деле?

Суммарное рассмотрение проектов общественных преобразований и программных требований революционного движения, свидетельств современников и очевидцев событий, на что уже обращал внимание автор этих строк⁵⁴, дает основание сформулировать вывод, что радикальная группировка немецкого бюргерства вела борьбу за преобразование политического строя Германской империи и передачу власти на местах представителям крестьянско-бюргерского союза, склоняясь при этом, особенно на юго-западе германских земель, к установлению республиканских институтов, реформе церкви и секуляризации ее имуществ, установлению сословного равенства, отмене личностной зависимости крестьян и связанных с нею повинностей, укреплению владельческих прав крестьян на землю и их связей с городским рынком, созданию благоприятных условий для хозяйственной деятельности крестьян вообще, свободе предпринимательства и устраниению препятствий на его пути. Эта группировка выдвигала требования, в случае реализации которых феодальное землевладение преобразовывалось в «свободное достояние». Радикально-бюргерская оппозиция во Франконии во главе с Венделем Гиплером и Фридрихом Вейгандтом в уже упомянутой выше «Гейльброннской программе» требовала преодоления княжеского мелкодержавия, объединения германских земель и образования централизованного государства⁵⁵, что отвечало интересам подавляющего большинства населения Германии, крестьянства в том числе. В то же самое время радикальная группировка немецкого бюргерства ревностно стояла на защите института частной собственно-

сти и решительно отвергала возникавшие главным образом в племенных слоях общества требования уравнительного передела имущества и установления их «общего пользования».

На пути реализации самой идеи союза бургерства с крестьянскими массами возникали серьезные препятствия. Такими препятствиями являлись уже известное читателю участие магистратов и городской верхушки в феодальном землевладении и острая конкуренция между сельскими промыслами и городским цеховым ремеслом. Еще одним обстоятельством, оказавшим влияние на настроения противоборствующих сил в самих городах и линию социально-политического их поведения, был страх, который богатые и зажиточные бургеры испытывали перед уравнительными требованиями радикальных элементов в общественном движении. В феврале 1525 г. баварский канцлер и фактический глава Швабского Союза Леонхард фон Эк писал, что, по его убеждению, «многие города охотно поддержали бы (восстание крестьян против помещиков. — Ю. Н.), если бы они не опасались за свои состояния»⁵⁶. Эта точка зрения Эка находит подтверждение и в свидетельствах других многочисленных источников, в том числе в городских хрониках⁵⁷. Социально-психологический фактор и на самом деле сыграл неблагоприятную для исхода революции роль, поскольку угроза обобществления имущества оттолкнула от нее многих состоятельных людей. Современники и очевидцы событий Крестьянской войны связывали требование установления общности имущества с деятельностью и учением Томаса Мюнцера и его сторонников. Дискуссия по вопросу, был ли Мюнцер приверженцем идеи обобществления имущества, имела место и в западной историографии⁵⁸; участие в этой дискуссии приняли и советские историки, одним из выразительных эпизодов которого стала полемика А. Э. Штекли с М. М. Смириним.

Рассмотрев вопрос об уравнительных требованиях, которые выдвигали представители радикальных группировок в общественном движении во время Крестьянской войны, М. М. Смирин пришел к выводу, что «идея общности имущества приписывается ... Мюнцеру на основании его призыва к народу освободиться от гнета господ и положить конец их излишествам. Он же имел ... в виду только устранение господ и передачу богатств в практически мыслимой в то время индивидуальной трудовой или общинной собственности»⁵⁹. По мнению Смирина, Мюнцер включал «трудовую собственность крестьян и ремесленников» в понятие «общности имущества». Иной точки зрения придерживается А. Э. Штекли, который, изучив высказывания самого Мюнцера и свидетельства других источников, сформулировал вывод, что «...трудно согласиться с М. М. Смириним, будто бы идея общности имущества приписывается Мюнцеру на основании его призыва к народу освободиться от гнета гос-

под»⁶⁰. Штекли полагает, что идея общности имуществ органически присуща учению народной реформации Мюнцера, который необходимость ее осуществления признавал не только в теории, но и на практике. Кто же прав в этом споре?

Чтобы ответить на поставленный вопрос, обратимся к тексту «Истории Томаса Мюнцера», автором которой современная историография называет одного из ближайших сподвижников Мартина Лютера — «учителя Германии» Филиппа Меланхтона⁶¹, использо-вавшего в своем труде протокол допроса Мюнцера перед казнью. В «Истории» Меланхтона мы читаем, что Мюнцер был убежден: «Христианская любовь требует, чтобы никто не стоял над другим, чтобы каждый был свободен и существовала бы общность имуществ»⁶². Ф. Энгельс, имея в виду далеко идущие планы вождя радикальных элементов, представлявших в общественном движении интересы обездоленных слоев населения как деревни, так и особенно города, сведения о настроениях и требованиях которых Энгельс почерпнул главным образом из книги «мелкобуржуазного демократа» В. Циммермана⁶³, трактовал взгляды Мюнцера в «Крестьянской войне в Германии» как «предвосхищение коммунизма в фантазии»⁶⁴. Читателю уже известно, что такие взгляды, по мнению М. М. Смирнина, «приписывались» Мюнцеру его врагами, а по мнению А. Э. Штекли, — отражали подлинные убеждения Мюнцера. Поэтому отношение к полемике Штекли со Смириним можно выразить следующим образом.

Если иметь в виду то направление общественной мысли, которое принято рассматривать в качестве предтечи утопического коммунизма нового времени, тогда вполне можно признать правоту А. Э. Штекли. Если же иметь в виду практику общественного движения и характер социальной борьбы во время Крестьянской войны, необходимо согласиться, что у М. М. Смирнина были основания для вывода, что Мюнцер включал хозяйства крестьян и ремесленников («мелкую трудовую собственность») в категорию «общности имуществ»⁶⁵. Источники дают основание для гипотетического предположения, что реальная действительность феодального общества и практическая деятельность революционера убеждали Мюнцера в невозможности немедленной реализации требования обобществления имуществ, которое он не мог не разделять и не поддерживать, выступая в роли идеолога прежде всего плебейских слоев тогдашнего общества (в том числе «предшественников пролетариата нового времени»).

Итак, социально-экономическое развитие средневекового города в XIV—XVI вв., которое было рассмотрено в основном на примере Швабии и Швейцарского Союза, отличалось большой противо-

речивостью. Этот город, являясь, с одной стороны, продуктом и органическим элементом феодального общества, с другой — центром ремесла и торговли, в силу последнего обстоятельства рано вступил в острые противоречия с сеньориальным режимом, который являлся «становым хребтом» всей «системы феодализма». Развитие производительных сил в рамках цехового (или внецехового) мелкотоварного ремесла экономически не зависело от «надельной системы», присущей феодальному способу производства. Поэтому в средневековом городе имели место отношения собственности, принципиально отличные от «аграрного сектора» феодальной структуры экономики. Однако «аграрный сектор» долгое время продолжал оказывать существенное влияние на эволюцию социального строя средневекового города и формирование его «трехчленной» структуры. Успехи товарного производства в этом городе, сопровождавшиеся распределением товарно-денежных отношений и на деревню, способствовали укреплению социальных позиций средних слоев городского населения — бургерства. Возникновение явлений раннего капитализма и зарождение мануфактурного производства имели следствием экспроприацию мелких производителей, их превращение в пауперов (или «неймущих ремесленников»), подвергавшихся капиталистической эксплуатации. При достаточной степени зрелости товарно-денежных отношений, как известно (это признает и ортодоксальный марксизм), «капитал вырастает из мелкотоварного производства»⁶⁶. Все это создавало сложный симбиоз производственных отношений и соответствующих последним форм собственности. В этом симбиозе причудливо переплетались черты прошлого с новыми тенденциями общественного развития. Разложение социальной структуры цехового ремесла (равным образом и всей системы мелкотоварного производства) подготавливало почву для появления на исторической сцене новых общественных классов — ранней буржуазии и предпролетариата, противоречия между которыми хотя и имели место, но в переходную от феодализма к капитализму эпохуряд ли носили антагонистический характер: представители обоих зарождающихся классов принадлежали к неполноправному «третьему сословию» средневекового общества, в котором доминирующее положение продолжали занимать привилегированные сословия господствующего класса, т. е. духовенство и дворянство, что в значительной мере было обусловлено монополией собственности последних на землю. Такая форма собственности и являлась экономическим фундаментом политического господства этих сословий.

Однако упомянутое от структуры феодального общества рассмотрение социальной эволюции средневекового города нельзя признать в научном отношении в достаточной мере корректным. Средневековый город, оказывая действенное влияние на

«феодальное окружение» и, более того, в значительной степени определяя прогрессивные тенденции развития всей социально-экономической «системы феодализма», вместе с тем и сам испытывал сильное воздействие этого «окружения». Как писал Ф. Энгельс, «в начале XVI века различные сословия империи — князья, дворяне, прелаты, патриции, бургеры, плебеи и крестьяне — составляли чрезвычайно хаотичную массу с весьма разнообразными, во всех направлениях взаимоперекрещивающимися потребностями. Каждое сословие стояло поперек дороги другому и находилось в непрерывной, то скрытой, то открытой борьбе со всеми остальными»⁶⁷. И на самом деле, крестьяне вели борьбу с феодалами, города, среднее и мелкопоместное дворянство — с князьями, светские князья и дворяне — с прелатами церкви, цеховое бургерство — с патрициями, наемные рабочие и «неймущие ремесленники» — с предпринимателями-раздатчиками, цеховые мастера — с деревенскими конкурентами, причем в числе коренных вопросов, вокруг которых развернулась эта борьба, был вопрос о собственности. В одних случаях речь шла о перераспределении собственности (прежде всего земли) между различными группировками землевладельцев феодального, или «полуфеодального», типа (этой цели должна была служить секуляризация церковных имуществ в пользу «светских сословий»); в других — в повестку дня по существу был поставлен вопрос о преобразовании феодальной собственности в «свободное достояние», т. е. в так называемую «буржуазную собственность»; в третьих — выдвигались «фантастические» проекты «всеобщего передела имуществ» и установления их «общего пользования». Отметим также, что попытки реализации идеи «общности имуществ» предпринимались анабаптистами не только в экстремальных условиях Мюнстерской Коммуны⁶⁸, но и еще до прихода адептов «новой веры» к власти в Мюнстере хутгеровскими братьями⁶⁹, у которых их «общее пользование» продержалось в течение примерно полутора столетий.

Своеобразие исторических условий германских земель начала XVI в., наиболее ярко проявившееся в событиях Реформации и Крестьянской войны, помимо прочего, состояло и в том, что требования участников в них и оппозиционных существующим порядкам сил обычно выражались сквозь призму религиозного сознания, согласовывались с христианским вероучением и этическими постулатами последнего. В этих условиях, по словам Ф. Энгельса, « всякая борьба против феодализма должна была ... принимать религиозное обличение»⁷⁰. Правда, тут же следует отметить, что на представления не только лидеров, но и рядовых участников различных течений в реформационном движении, в том числе и самых радикальных, о свободе, равенстве и назначении властей прямое или опосредство-

ванное влияние оказывала и идеология гуманизма⁷¹. Гуманисты в своем отношении к злободневным социальным вопросам современности, особенно к бродяжничеству, нищенству и пауперизму, этим продуктам первоначального накопления и генезиса капитализма, вполне определенно обнаруживали, говоря языком марксизма, «классовую ограниченность», признавая труд высшей ценностью и добродетелью христианина и объявляя уклонение от последнего величайшим грехом и пороком. Поэтому гуманисты требовали применения суворых наказаний ко всем тем, кто не следовал такой норме поведения⁷². Отношение к этому злободневному для начала XVI в. вопросу во многом определяло цели и задачи участвовавших в реформационном движении общественно-политических сил.

В январе 1523 г. программу радикальной группировки бюргерства, действовавшей на территории Швейцарского Союза, Цвингли сформулировал в «67 статьях». Уже во время восстания 1525 г. была предпринята попытка применения ее основополагающих положений в «Гейльброннской программе» с целью реформы всей политической системы Германской империи. Одного из авторов программы, Венделя Гиплера, Ф. Энгельс называл представителем «средней равнодействующей всех прогрессивных элементов нации». По словам Энгельса, Гиплер пришел «к предчувствию современного буржуазного общества». Однако тот же Энгельс оценку деятельности Гиплера и проекта его реформ ограничивал только «предчувствием», поскольку, по мнению Энгельса, «защитляемые им (Гиплером. — Ю. Н.) принципы и выдвигаемые им требования не представляли собой чего-то непосредственно возможного...»⁷³. В отличие от Энгельса, В. А. Ермолаев, не вступая с ним в открытую полемику, вместе с тем в своем исследовании показывает реалистичность требований «Гейльбронской программы». Программа, с точки зрения Ермолаева, «...впитала в себя все наиболее настоятельные требования народа» и «отвечала интересам всех оппозиционных сословий тогдашнего общества»⁷⁴. Именно реализм программных установок и осознания лидерами бюргерской оппозиции во Франконии пределов возможного и практически достижимых результатов преобразований не могли удовлетворить радикальных элементов, участвовавших в общественном движении. Эти элементы в своем стремлении к достижению свободы и полного равенства, «опережая время» и отрываясь по этой причине от реальной почвы, в своих планах преобразования существующего строя рисовали фантастическую картину социальной утопии, в которой должна была воплотиться их мечта о счастье и обществе «всеобщего благодеяния».

Учение и программа деятельности радикальных элементов (адептов так называемой «народной реформации») были сформулированы Мюнцером, Гайсмайером и анабаптистами. Если Цвингли и

Гиплер не шли далее преобразования института феодальной собственности в соответствии с потребностями начавшегося капиталистического развития, авторы доктрины народной реформации, есть основания так полагать, конечную цель своей деятельности видели в необходимости ликвидации тех форм частной собственности, которые порождали отношения угнетения и эксплуатации, хотя вопрос о приверженности Мюнцера, о чём сказано выше, и Гайсмайера идеи «уравнительного коммунизма» и сегодня остается спорным в исторической литературе. Крестьяне же, требуя освобождения от феодального гнета, стремились к созданию благоприятных условий для своей производственной деятельности и упрочению связей с городским рынком, в чем они находили поддержку со стороны бургской оппозиции⁷⁵. Большинство цеховых ремесленников, участвуя в общественном движении, пытались сохранить или вернуть утраченное ими положение самостоятельных товаропроизводителей и собственников. Идею «общности имущества» большинство «трудящихся субъектов» города и деревни, как правило, разделяло лишь в той мере, в какой она служила решению задачи перераспределения собственности, прежде всего секуляризации церковных имуществ в интересах тех, «кто сидел на своих наделах», укреплению владельческих прав крестьян на землю и в конечном счете преобразования крестьянских наделов в «мелкую трудовую собственность». Реализация этих требований на практике создавала бы необходимые предпосылки для развития капитализма в деревне. С такой же остротой в программных документах Крестьянской войны был поставлен вопрос о власти⁷⁶, которую, по крайней мере на региональном уровне, по убеждению авторов большинства программных документов, следовало передать в руки представителей «крестьянско-бургского союза». Все эти исторические явления в значительной степени были обусловлены эволюцией, которую к тому времени совершила социально-экономическая структура средневекового города. В этом смысле город и на самом деле прокладывал Европе дорогу в новое время.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: S o m b a r t W. Der moderne Kapitalismus. Bd. I. Hlbd. 1. München; Leipzig, 1928 (русский перевод: Зомбарт В. Современный капитализм. Т. 1. М.; Л., 1931); S t r i d e r J. Studien zur Geschichte kapitalistischer Organisationsformen: Monopole, Kartelle und Aktiengesellschaften im Mittelalters und zu Beginn der Neuzeit. 2. Aufl. München; Leipzig, 1925; Idem. Zur Genesis des modernen Kapitalismus. Forschungen zur Entstehung der größeren bürgerlichen Kapitalvermögen am Ausgangen der Mittelalters und zu Beginn der Neuzeit, zurnächst zu Augsberg. 2. Aufl. Leipzig; München, 1935.

² О полемике между В. Зомбартом и Я. Штрайдером см.: Н скр а с о в Ю. К. К проблеме генезиса немецкой буржуазии XV—XVI вв. (по материалам имперского города Аугсбурга) // Проблемы германской истории. Вологда, 1971. (Вып. 1). С. 92—

99. Ср. также: Данилов А. И. Проблемы аграрной историографии конца XIX — начала XX вв. М., 1958. С. 29—31, 96—112; Смирин М. М. К истории раннего капитализма в германских землях (XV—XVI вв.). М., 1969. С. 8—9, 318—323, 325, 339; Гуттова Е. В. Историография истории средних веков (середина XIX в. — 1917 г.). М., 1974. С. 343—346, 385.

³ См.: Abel W. Wüstungen und Preisfall im Spätmittelalterlichen Europa // JNOs. 1953. Bd. 165. Н. 3—4; Idem. Massenarmut und Hungerkrisen in Vorindustriellen Europa. Versuch einer Synoptis. Hamburg; (West-) Berlin, 1974; Lutge F. Studien zur Sozial- und Wirtschaftsgeschichte. Stuttgart, 1963.

⁴ См.: Кошинский Е. А. Были ли XIV и XV века временем упадка европейской экономики? // Кошинский Е. А. Проблемы английского феодализма и историографии средних веков. Сб. статей. М., 1963. С. 262—284; Макер В. Е. Вопросы аграрной истории Германии в освещении буржуазной историографии ФРГ // СВ. 1964. Вып. 26. С. 117—131; Барг М. А. Проблемы социальной истории в освещении западной медиевистики. М., 1973. С. 176—216.

⁵ См.: Rossewerg H. Probleme der deutschen Sozialgeschichte. Frankfurt/a. Main, 1969. S. 81—82, 92—93, 99—100, 106, 123, 132.

⁶ Massecke E. Die Unterschichten der mittelalterlichen Städte Deutschlands // Gesellschaftliche Unterschichten in den südwestdeutschen Städten. Stuttgart, 1967. S. 3; Idem. Mittelschichten der deutschen Städte. Stuttgart, 1972. S. 2—4.

⁷ См.: Hartung J. Die augsburgische Zuschlagsteuer von 1475. Ein Beitrag zur städtischen Steuerwesens, sowie der sozialen und Einkommenverhältnisse am Ausgang des Mittelalters // JGVV. 1895. Н. 1; Idem. Die augsburgische Vermögenssteuer des 16. Jahrhunderts // JGVV 1898. Н. 2; Idem. Die direkten Steuern und Vermögensentwicklung // JGVV. 1898. Н. 4.

⁸ Strieder I. Zum Genesis... S. VIII.

⁹ Jecht H. Studien zur gesellschaftlichen Struktur der mittelalterlichen Städte // VSWG. 1926. Bd. 19. S. 52—53.

¹⁰ Endres R. Einwohnerzahl und Bevölkerungsstruktur Nürnbergs im XV—XVI Jahrhundert // MGN. 1970. Bd. 57; Idem. Zünfte und Unterschichten als Elemente der Instabilität in den Städten // Revolte und Revolution in Europa. HZ. 1975. Beiheft 4 (NF).

¹¹ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 23. С. 727.

¹² См.: Там же. Т. 3. С. 23, 50—52, 77—78; Т. 4. С. 424—425; Т. 7. С. 325—356; Т. 20. С. 167—168; Т. 21. С. 406—409; Т. 22. С. 322; Ленин В. И. Полн. собр. соч. 5-е изд. Т. 2. С. 475—476; Т. 6. С. 311; Т. 39. С. 16.

¹³ См.: Стоклицкая-Терешкович В. В. Основные проблемы истории средневекового города X—XV вв. М., 1960. Ср. также: Она же. Очерки по социальной истории немецкого города XIV—XV вв. М.; Л., 1936.

¹⁴ Bergold B., Engel E., Laub A. Die Stellung der Bürgertums in deutschen Feudalgesellschaft bis zum Mitte des 16. Jahrhunderts // ZfG. 1973. Н. 2. С. 196—217; Vogler G. Probleme der Klassenentwicklung in der Feudalgesellschaft // ZfG. 1973. Н. 10. С. 1182—1208; Hoffmann H., Mittenzwei I. Die Stellung des Bürgertums in deutschen Feudalgesellschaft von der Mitte des 16. Jahrhunderts bis 1789 // ZfG. Н. 2. С. 190—207.

¹⁵ Негуяева Т. М. Возникновение свободной земельной собственности в Страсбурге и ее судьбы в XIII—XIV вв. // СГ. 1968. (Вып. 1). С. 61—76; Она же. Эволюция земельной собственности в средневековом Страсбурге (XII—XIV вв.) // Проблемы германской истории. Волгоград, 1973. Вып. 2. С. 169—177; Она же. Некоторые проблемы истории средневекового города и бургерства в урбанистике ГДР // СГ. 1978. Вып. 5. С. 143—151; Стам С. М. Средневековый город и проблема возникновения нефеодальных форм собственности // СГ. 1974. Вып. 2. С. 3—45.

¹⁶ См.: Чистозубов А. Н. Проблемы истории средневековья на V конгрессе историков ГДР // СВ. 1973. Вып. 37. С. 294—302; Социальная природа средневекового бургерства XIII—XVII вв. М., 1979. С. 3—14, 234—237.

¹⁷ См.: Чистозубов А. Н. О социальной природе средневекового бургерства (постановка проблемы) // СВ. 1982. Вып. 45. С. 185—195; ср.: Кюттель Р. Город и бургерство при феодализме. Теоретические проблемы исследования города в ГДР // Там же. С. 141—184.

¹⁸ Нескрасов Ю. К. К проблеме генезиса... С. 112—113; Она же. К социально-экономической истории Augsburga в XV в. // Проблемы германской истории... Вып. 2. С. 154—159; Она же. Происхождение и программа деятельности радикально-бургерской оппозиции в Augsburga в 70-е годы XV в. // СВ. 1975. Вып. 39. С. 147—149; Она же. Цеховое ремесло и ранний капитализм (об одном аспекте социальной дифференциации)

ремесленников в городах Верхней Швабии и Северной Швейцарии XV—XVI вв. // СГ. 1981. Вып. 6. С. 152—156; О и ж е. Эволюция социального строя Швабии и Швейцарского Союза в XV—XVI вв. // Классы и сословия средневекового общества. М., 1988. С. 193—199.

¹⁹ См.: Н е к р а с о в Ю. К. Возникновение и развитие системы раздач в текстильной промышленности Верхней Швабии и Северной Швейцарии в XIV—XVI вв. // Генезис капитализма в позднее средневековье в Англии и Германии. М., 1979. С. 31—64; О н же. Сельские промыслы и ранний капитализм (по материалам текстильной промышленности Верхней Швабии и Северной Швейцарии XV—XVI вв.) // Развитие капиталистической мануфактуры в Англии и Германии XVI—XVII вв. М., 1981. С. 65—85.

²⁰ S i e r o m e r W., v o o p. Die Gründung der Baumwollindustrie im Mitteleuropa. Wirtschaftspolitik im Spätmittelalter. Stuttgart, 1978. S. 70—78, 88—89, 145—146 ff.

²¹ Das Lehenbuch des Hochspitals Augsburg von 1424. Bearb. von H. Vietzen. Kempten, 1939; Ulmische Urkundenbuch. Bd. 2. T. 1—2: Die Reichstadt (von 1315 bis 1356). Hrsg. von G. Veesenmayer u. H. Bazing. Ulm, 1898—1900; Die Urkunden der Stadt Kaufbeuren (Stadt, Spital, Pfarrei, Kloster) 1240—1500. Bearb. von A. Dertsch. Augsburg, 1955; Die Urkunden der Heiligspital in München 1250—1500 / Bearb. von W. E. Vock. Augsburg, 1959.

²² См.: Г у т н о в а Е. В. Роль бюргерства в формировании сословных монархий в Западной Европе // Социальная природа средневекового бюргерства... С. 72 след. Ср.: К о л е с и н ц к и й И. Ф. Политическая борьба в германских землях в XIII—XV вв. и возникновение ландтагов // Социальные отношения и политическая борьба в средневековой Германии (XI—XVI вв.). Вологда, 1985. С. 61 след., 66—68, 81—82 (прим. 22).

²³ C z o k K. Die Bürgerkampf in Südw. und Westdeutschland im 14. Jahrhundert // Jahrbuch für die Geschichte der oberdeutschen Reichstädte. Esslingen Studien. 1966/67. Bd. 12/13. S. 40 ff.

²⁴ См.: P l a n i t z H. Die deutsche Stadt im Mittelalter von der Römerzeit bis zur Zunftkämpfe. Graz; Köln, 1959. S. 283; M a s c h k e E. Verfassung und soziale Kräfte des deutschen Stadt des späteren Mittelalters // VSWG. 1959. Bd. 56. S. 306

²⁵ См.: Н е г у л я с в а Т. М. Возникновение... С. 61 след.; Е р м о л а е в В. А. Городское землевладение на территории Нюрнбергского бургграфства // СГ. 1968. (Вып. 1). С. 77—93; Н е к р а с о в Ю. К. К проблеме генезиса... С. 136—151; Е в д о к и м о в а А. А. Изменение характера и структуры земельных операций швабского бюргерства (XV—XVI вв.) // СВ. 1984. Вып. 47. С. 139—152.

²⁶ См.: М а й е р В. Е. Деревня и город в Германии в XIV—XVI вв. (Развитие производительных сил). Л., 1979. С. 69—70, 92, 98, 129.

²⁷ См.: Leibgedingbuecher des Freien Reichsstadt Augsburg 1330—1550 / Hrsg. von A. Haemmerle. München, 1958. (О значении этого типа источников см.: Е п п е н Е. Die europäische Stadt des Mittelalters. 2 Aufl. Göttingen, 1975. S. 206—207).

²⁸ См.: Н е к р а с о в Ю. К. Происхождение... С. 143—152; О н же. Возникновение... С. 49—52; О н же. Цеховое ремесло... С. 152—156.

²⁹ Архив Маркса и Энгельса. Т. II (VII). С. 111.

³⁰ Н е к р а с о в Ю. К. К проблеме генезиса... С. 89 след.

³¹ С а в и н а Н. В. Купеческие компании и общественное движение в Германии первой трети XVI в. // Социальная природа средневекового бюргерства... С. 196—227; О н же. Южнонемецкий капитал в странах Европы и испанских колониях в XVI в. М., 1982. С. 57—59, 64—66, 71—80, 114—118, 128—137, 142—212, 290—294; Н о р д е н А. Некоронованные властители. М., 1978. С. 94—111.

³² См.: М а р к с К. и Э н г е л ь с Ф. Соч. 2-е. изд. Т. 3. С. 51; Т. 19. С. 190—191, 214; Т. 20. С. 17; Т. 23. С. 348, 371, 748.

³³ См.: N u b l i n g E. Ulm Baumwollweber im Mittelalter. Urkunden. Leipzig, 1890. № 38. S. 74, 76; № 42. S. 82; № 53. S. 99—100; № 60. S. 110—111; D i r r P. Augsburger Textilgewerbe im 18. Jahrhundert // ZHV. 1911. Bd. 37. 7 ff; E n d r e s R. Einwohnerzahl... S. 242 ff.

³⁴ A n g e r m e i e r H. Krieg und Landfriede in deutschen Spätmittelalter. München, 1966. S. 194—195, 308, 311 ff, 4066, 415—416; S c h i l d h a u e r J. Der Schwäbische Städtebund-Ausdruck Kraftentwicklung des deutschen Städtebürgertums in der zweiten Hälfte des 14. Jahrhundert // JbGF. 1977. Bd. S. 204—210; B e r g h o l d B. Überregionale Städtebundprojekte in der ersten Hälfte des 15. Jahrhundert // JbGF. 1979 Bd. 3 S. 148—178.

³⁵ Н е к р а с о в Ю. К. К проблеме генезиса... С. 155—156.

³⁶ См.: Е р м о л а е в В. А. Гейльброннская программа. Программа немецкого радиального бюргерства в Крестьянской войне 1525 года. Саратов, 1986. С. 169—183.

- ³⁷ Urkunden des Schlossarchiv Kronburg 1366—1829 / Bearb. von K. Fr. von Achrian-Werburg. Augsburg, 1962. № 75. S. 38: «als frei, ledig und rechtes Eigen».
- ³⁸ Werdensteiner Chronik // Quellen zur Geschichte des Bauernkrieges in Oberschwaben / Hrsg. von F. L. Baumann. Tubingen, 1876. S. 491.
- ³⁹ См.: Некрасов Ю. К. К проблеме генезиса... С. 146. Ср.: Савина Н. В. Южнонемецкий капитал... С. 276 след.
- ⁴⁰ Некрасов Ю. К. Происхождение... С. 147—149; Он же. Реформация и Крестьянская война в германских землях XVI в. как раннебуржуазная революция (историография, причины и предпосылки революции). Вологда, 1984. С. 60.
- ⁴¹ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 23. С. 770.
- ⁴² Ленин В. И. Полн. собр. соч. 5-е изд. Т. 3. 474. Ср.: Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 20. С. 197; Т. 23. С. 180; Т. 46. Ч. 1. С. 191—192.
- ⁴³ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 22. С. 322.
- ⁴⁴ См.: Некрасов Ю. К. К проблеме генезиса... С. 118—120; Он же. К социально-экономической истории... С. 158—159; Он же. Радикально-бюргерская оппозиция в Аугсбурге в 70-е годы XV в. (ход движения и социальный состав участников) // СВ. 1975. Вып. 38. С. 129 след.; Он же. Происхождение... С. 142 след.
- ⁴⁵ Sachs, Hans. Prosadialogen / Hrsg. von A. Lenck. Leipzig, 1970. S. 128—129, 219; Watt (Vadian), Ioachim, von. Deutsche Historische Schriften Bd. 3 / Hrsg. von St. Gallen 1874/79. Bd. 1. S. 35—36; Bd. 2. S. 422; Kessler Johannes. Sabbata mit kleineren Schriften und Briefen / Hrsg. von E. Egle u. R. Schock. St. Gallen, 1902. S. 434—435; Winkelmann O. Das Fürsorgen der Stadt Strassburg vor und nach Reformation zum Ausgange des 16. Jahrhunderts. Leipzig, 1922. S. 266 ff., 273.
- ⁴⁶ См.: Nubling E. Ulms Baumwollweberei...Urkunden. № 9—11. S. 14—28.
- ⁴⁷ Fortsetzungen der Chronik Hector Müllich // CDS. Leipzig, 1929. Bd. 1 34 (9). S. 234—240, 246—247.
- ⁴⁸ Tucher, Endres. Baumeisterbuch der Stadt Nürnberg (1464—1475). Stuttgart, 1862. S. 272, 276; Rem, Wilhelm. Chronica der newer geschichten // CDS. Leipzig, 1896. Bd. 25 (5). S. 82.
- ⁴⁹ См.: Энгельс Ф. Крестьянская война в Германии // Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 7. С. 345.
- ⁵⁰ Ленин В. И. Полн. собр. соч. 5-е изд. Т. 34. С. 41.
- ⁵¹ Sabean D. W. Landbesitz und Gesellschaft am Vorabend des Bauernkrieges. Eine Studie der sozialen Verhältnisse im südlichen Oberschwaben in den Jahren vor 1525. Stuttgart, 1972. S. 101—102, 107—108.
- ⁵² Hooyer S. Zu den Ursachen des deutschen Bauernkrieges und zu Problem seines Verlaufs // ZfG. 1976. H. 6. S. 665.
- ⁵³ Blickle P. Die Revolution 1525. München; Wien, 1975. S. 225—226, 162.
- ⁵⁴ См.: Некрасов Ю. К. Южнонемецкий город в начале Крестьянской войны // ЕГИ. 1976. М., 1977. С. 267—292; Он же. Города и крестьяне Южной Германии во время Крестьянской войны // СГ. 1978. Вып. 5. С. 74—96; Вып. 6. С. 79—99; Он же. О роли городов в событиях Крестьянской войны в Германии (по материалам хроникистики XVI в.) // Вестник МГУ. Истор. сер. № 4. С. 63—79; Он же. Городские хроники первой половины XVI в. о причинах и характере Крестьянской войны в Германии // СВ. 1977. Вып. 41. С. 121—142; Он же. Города и бюргерство в Крестьянской войне в Германии (на примере Швабии) // Германская история эпохи Реформации: исследования и документы. Вологда, 1993. С. 54—80.
- ⁵⁵ См.: Еромолов В. А. Гейльброннская программа... С. 140 след.
- ⁵⁶ Vogt W. Die Bayerische Politik im Bauernkrieg und der Kanzler Dr. Leonard von Eck, der Haupt des Schwäbischen Bundes. Anhang — Die Briefen Kanzlers Dr. Leonard von Eck aus der Zeit des Bauernkrieges. Nordlingen, 1883. S. 381.
- ⁵⁷ См.: Некрасов Ю. К. Городские хроники... С. 134, 142.
- ⁵⁸ См.: Некрасов Ю. К. Томас Мюнцер и швейцарские ана뱁тисты XVI в. об идеях общности имущества // ИСУ. 1987. С. 215—217.
- ⁵⁹ Смирин М. М. Народная реформация Томаса Мюнцера и Великая крестьянская война. 2-е изд. М., 1955. С. 266—267.
- ⁶⁰ Штегли А. Э. «Родоначальник утопического коммунизма» и «проблемы коммунистических идей» // ИСУ. 1982. С. 58. Ср.: Он же. Утопия и социализм. М., 1993. С. 102 след.

⁶¹ Stern L. Martin Luther und Philipp Melanchton — ihre idealistische Herkunft und geistliche Leistung. Berlin, 1953. S. 121 ff; Steinmetz M. Das Müntzerbild von Martin Luther bis Friedrich Engels. Berlin, 1971. S. 37—50.

⁶² Melanchton, Philipp. Die Historie Thomas Müntzer // Flugschriften der Bauernkriegszeit/ Hrsg. von A. Laube, R. W. Seifert. Berlin, 1975. S. 531.

⁶³ См.: Циммерман В. История Крестьянской войны в Германии. М., 1937. Т. 2. С. 334—344.

⁶⁴ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 7. С. 364.

⁶⁵ См. Некрасов Ю. К. Томас Мюнцер... С. 217—222, 232—234.

⁶⁶ Ленин В. И. Поли. собр. соч. Т. 43. С. 159.

⁶⁷ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 7. С. 357—358.

⁶⁸ См.: Зингер Я. С. Плебейские массы Мюнстера у власти // СВ. 1963. Вып. 23. С. 157—159; Чистозубов А. Н. Реформационное движение и классовая борьба в Нидерландах в первой половине XVI века. М., 1964. С. 248—262.

⁶⁹ См.: Некрасов Ю. К., Васильева М. В. Анабаптисты после Крестьянской войны: «свидетельства о вере» Михаэля Затлера и Ганса Шмидта // Германская история эпохи Реформации... С. 120—121; Васильева М. В. К истории раннего европейского анабаптизма: хуттеровское братство // Там же. С. 87—88, 90—92, 95—96; Он же. Анабаптисты и протестанский догмат об оправдании верой // Античность и средневековые Европы. Пермь, 1994. С. 214.

⁷⁰ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 22. С. 307.

⁷¹ См.: Смирин М. М. Передовые идеи народной реформации // СВ. 1975. Вып. 39. С. 25—40; Он же. Эразм Роттердамский и реформационное движение в Германии. Очерки из истории гуманистической мысли. М., 1978. С. 111—143; Смирин А. Н. Значение Крестьянской войны для развития общественной мысли эпохи Реформации // Вестник ЛГУ. 1958. Вып. 14: История — язык — литература. С. 170—172.

⁷² См.: Штекли А. Э. От приватных милосердия к работным домам // СВ. 1984. Вып. 47. С. 100—115; Дятлов В. А. Городские власти и проблема нищенства и бродяжничества в Германии в конце XV—XVI вв. // Проблемы германской истории. Эпоха феодализма. Ижевск, 1989. С. 53—61, 161—163; Он же. Реформа городской благотворительности в Германии... С. 36—53; Бадокимова А. А. Законодательство Фрайбурга в Брайзгау о нищих и бродягах (XVI в.) // Социальные отношения... С. 114—127.

⁷³ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 7. С. 413.

⁷⁴ См.: Ермолаев В. А. Гейльброннская программа... С. 186, 194, 199. Ср. также: Смирин М. М. Германия эпохи Реформации и Великой крестьянской войны. М., 1962. С. 236—238; Павленко В. Г. О происхождении и сущности «Хайльброннской программы» // УЗ КГПИ. 1968. Истор. факультет. Вып. 16. С. 21 след.

⁷⁵ Некрасов Ю. К. Об отношении радикально-бюргерской оппозиции к Крестьянской войне // Социальные отношения... С. 93.

⁷⁶ См.: Майер В. Е. Крестьянство Германии в эпоху позднего феодализма. М., 1985. С. 137—156; Он же. Современники Реформации о роли народных масс в общественном перевороте // Культура эпохи Возрождения и Реформации. Л., 1981. С. 124, 128—130; Он же. Вопрос о власти в программных документах Крестьянской войны в Германии // Классы и сословия... С. 203.